

Ветераны Выборгской таможни

Был и остался таможенником

Владимир Константинович Поляков

Владимиру Константиновичу Полякову 87 лет. Как он сам говорит, плохо стало со слухом и зрением, подводят ноги. Но память у него - дай бог каждому. Это повествование написано с его слов.

До войны Володя Поляков работал в Ленинграде на военном заводе охранником. Однажды в выходной день рухнул термический цех: взорвали.

Вскоре после того ЧП стоял Поляков на посту. Дело было осенью. Листья с деревьев почти облетели. Ветром их прибило к забору. Володя остановился около пятого цеха. Ему показалось, что листья у забора как-то подозрительно шевелятся. Да разве разберешь в потемках, когда холодный дождь сечет лицо.

Присмотрелся. Опять куча листьев поднялась и опустилась. Вызвал подкрепление. Вместе извлекли из-под мусора продрогшего человека.

За это задержание Володя получил неслыханные по тем временам деньги - премию в 350 рублей. Начальник при этом сказал: "Обнаружил крупного диверсанта".

А райком комсомола направил его с группой молодых людей на восстановление Выборга.

Приехали ребята ранним утром. В городе пусто, бумагу носит ветром по дороге. Газеты висят на трамвайных проводах. Побродили по пустым улочкам. Вышли к зданию, где сейчас Выборгская администрация. В отделе кадров временного управления города получили направление на фабрику головных уборов. Это на Леншоссе, где теперь находится ателье по пошиву форменной одежды.

Никого не встретив на фабрике, прошли дальше туда, где у финнов была табачная фабрика. Там тоже тихо. Встретился им старичок с ключами и рассудил так: "Раз вы приехали не на один день, идите в дом напротив и занимайте квартиры, кому какая понравится".

Пошли ребята посмотреть. И обалдели от площадей и роскоши.

Финны, покидавшие под напором Красной Армии Выборг, не успели ничего с собой увезти. Огромные квартиры с высокими потолками, дорогой мебелью и убранством ошеломили холостых ребят, привыкших жить в квадратных метрах, которые определяла каждому Советская власть. Отказались с перепугу.

В тот день они отмахали еще несколько километров по шпалам до нынешнего поселка Перово. Но не найдя применения своим силам и там, вернулись в Выборг. И тут Володе Полякову посчастливилось встретить бывшего начальника первого отдела своего завода, где работал прежде. Обрадовались друг другу, разговорились.

- Пойдем ко мне в помощь. Я - председатель временного уездного управления, - сказал тот.

На том и порешили. Тогда Выборг был в подчинении Петрозаводска. Оттуда приезжали руководители. Нужно было оформлять документы. Посадили Володю за пишущую машинку. Несколько дней печатал, пока не прислали машинистку. А потом определили ему работу налогового бухгалтера. В его трудовой книжке есть запись: "Виипурский райфинотдел. Принят на должность налогового бухгалтера". И дата 9 июня 1940 года.

Володя представления не имел, как будет осуществлять возложенные на него обязанности. Но, как говорят, жизнь научит... Начальник финансового отдела Михаил Арсентьевич Виноградов познакомил Володю со своим замом Богдановым. И отправились они туда, где у финнов был магазин "Стокман", а у нас позже завод детских колясок. Сортировали и распределяли товар с утра до вечера, от подвала до последнего этажа. Под роспись передавали представителям из Петрозаводска на реализацию.

Закончив опись и оценку, поехал в Транзунд (ныне Высоцк). Там председатель горисполкома вручил Полякову ключи и сказал: "Я от трофейной комиссии ничего не принимал. Так что смотри сам, как оценивать и описывать мебель и вещи".

Дали в помощь двух женщин. Они работали на складе, а Владимир Константинович ходил по домам.

В основном там жили моряки - пограничники. Смотрел по людям. Где в семьях дети и небольшой достаток, оценивал подешевле, где посостоятельнее - подороже.

Если люди в трехдневный срок не могли оплатить то, что с них причиталось за оставленное финнами в квартирах, неоплаченные вещи изымались. Таковы были правила того времени. Чаще всего люди не могли оплатить дорогостоящую мебель.

И тут случай свел Владимира Константиновича с начальником таможенного поста. Тот обустроивал помещение для работы, интересовался мебелью. Слово за слово, договорились, что по окончании работ Владимир Константинович перейдет в таможду. Это случилось 20 октября 1940 года.

Выборгской таможни как таковой тогда еще не было. Был Выборгский пост Ленинградской таможни. Перво-наперво начальник Лопяткин велел крепко-накрепко запомнить, что в таможенной работе честность должна быть прежде всего. "Чужое не трогать ни при каких условиях. Один раз испачкаешь совесть - и пропал".

С таким наказом начал работать Владимир Константинович. Грузы, шедшие на экспорт, а также импортные товары проверяли в Выборге. Из Советского Союза отправляли пиломатериалы, металл. В страну ввозились бумага, домики в разобранном виде. Все надо было оформить как положено. Ну, и пассажиров тоже.

Смену отработает Владимир Константинович и на два дня отдыха едет в Транзунд к жене. Так и мотался до начала Великой Отечественной.

22 июня 1941 года у него был выходной. В гости приехала сестра. И они вместе провели замечательный день на заливе. Накупались, наловили рыбы. Уху сварили - объеденье. К вечеру вернулись домой. И только тут узнали страшную весть...

На следующий день поехал Владимир Константинович в Выборг. Город в тот день не бомбили. Но тяжело пролетавшие над ним самолеты принесли с собой ощущение страшной реальности. Вот она беда - только что прошла над головой.

К вечеру финны вытолкнули на нашу сторону границы советские вагоны. Одновременно пришел приказ не пропускать грузы в Финляндию. На третий день Лопяткин объявил о ликвидации таможни. Получили расчет и отправились в военкомат. Набирали мужчин в пехоту. А у Владимира Константиновича военная специальность связиста. Велели ждать.

Поехал в Транзунд. А там эвакуация. Город опустел. Все, кто смог, протиснулись на отходящую баржу. Тут налетели немецкие самолеты, разбомбили баржу.

Каждый день ходил Владимир к председателю горисполкома узнать, нет ли о нем распоряжения. И таких, как он, в Транзунде было человек пять. Чтобы не сидеть без дела, ходили к пограничникам помогать копать траншеи, строить укрепления.

Через месяц председатель горисполкома объявил, что поступило распоряжение сниматься с воинского учета и становиться на учет там, куда каждый отправится. Здесь оставаться больше нельзя было.

Собрались на прощание у Владимира Константиновича. Когда еще удастся свидеться и удастся ли? Поставили чайник. Разговор не клеился. Вдруг один из гостей схватил молоток и стал крушить посуду, стеклянные дверцы шкафа. Потом ножом стал полосовать кожаные кресла и диван. Оцепеневшим товарищам сказал: "Сталин велел ничего не оставлять врагу".

Путь Владимира Константиновича лежал в Ярославскую область, в село Ладское, где жили его родители и куда он отправил жену. На вокзале в Ленинграде он не мог ничего вразумительного узнать, пока ему не подсказали, что сейчас одна надежда на товарняк. Нашел подходящий. Забрался в вагон, а там уже полно народу.

Семь дней ехал Владимир до своей станции. За всю неделю маковой росинки во рту не держал. Только воду пил. На долгожданной станции зашел к однокласснице. Та накормила его картошкой. После этого сил хватило пройти пешком еще 20 километров до своего дома. А через несколько дней пришла повестка.

Суждено было Владимиру Константиновичу всю войну прослужить в Москве. Командиром отделения связи артиллерийского дивизиона. Охраняли Кремль, заводы, трамвайный парк, Большой театр.

По окончании войны пошел он в Главное таможенное управление. Спросил про Выборг, который переходил из рук в руки. Ему сказали: "Можешь ехать. На всех работы хватит".

Добрался знакомой дорогой. А в Выборге уже не пост, а таможня. Перебазировалась с Белоострова вместе с передвинутой границей.

Начальником таможни назначили Солнцева. Он и отправил Владимира Константиновича в Транзунд. Там грузился апатитовым концентратом пароход, отправлявшийся в Швецию. Надо было оформлять документы. Заканчивалась там работа, ехал на оформление железнодорожных грузов.

Позже работал с пассажирами на железнодорожном транспорте. Норм на провоз в то время не существовало. Везти вези, только предъявляй таможне. Народ же, не зная правил, предпочитал прятать все, что можно. А это уже считалось контрабандой и изымалось. Этот промысел особенно был распространен среди проводников.

Из нашей страны они пытались вывезти кофе в зернах, а к нам везли карандаши и тетради. Прятали и в вагонах, и под вагонами. А еще в те времена запрещалось передавать с проезжающими через границу письма и посылки.

Однажды в Финляндию ехала стенографистка советского торгового представительства. Через неделю возвращается обратно. При ней багажа на два купе. Стал Владимир Константинович вести досмотр. Про каждую коробку спрашивает. Дамочка затрудняется с ответом, путается. Хотя убеждает таможенника, что сама паковала вещи. В дамской сумочке обнаружилась пачка писем в разные адреса. Это были сопроводилки к каждой посылке.

А этот случай произошел ночью. Только-только начал ходить поезд "Ленинград – Хельсинки". Нашел Владимир Константинович в чемодане у финской четы множество коробочек из-под часов. Поинтересовался, где часы. Его стали убеждать, что часов и не было. Откуда коробочки? Жена на показе насобирала. Зачем? Да, просто так...

Бывают странности, но не в таможне. Стал Владимир Константинович извлекать из укромных мест купе часы. Вместе с ними много металлических советских рублей.

В том купе еще новенький телевизор стоял. Владимир Константинович поинтересовался: "Купили?" "Нет, подарили", - отвечают. Чуть позже коллега Иван Иванович Виршиев принес паспорт к телевизору, который обнаружил в коридоре за трубой. Сверили с номером телевизора. Сходится.

В последние годы его работы в таможне, как и сейчас, в Финляндию с сокрытием везли водку, иконы, церковные книги и утварь, старинные рукописи и картины. А еще деньги. Доллары тогда по стране не ходили, как сейчас. Везли рубли, запрещенные к вывозу.

Владимир Константинович вспоминает и курьезные случаи. Одно время в Выборгскую таможню наприимали выходцев из республик Кавказа и Средней Азии. Анекдот с ними, да и только. Никак они не могли уразуметь, почему нельзя позаимствовать у пассажира одну-две ручки, если он везет их десять или того больше.

Один доказывал: "Куда столько человеку рубашек?! А у меня одна". Быстро таможня распрощалась с такими работниками.

В таможне зарплата всегда была невысокой. Но при этом сотрудникам форменную одежду приходилось покупать. Владимир Константинович, как председатель группы народного контроля, написал письмо в вышестоящую таможенную организацию. Привел цифры, обосновал.

Через некоторое время ему из Москвы позвонил председатель комитета народного контроля Главного таможенного управления. Сказал, что с интересом ознакомился с предложенным документом и заверил, что принято решение - рядовой состав обмундировывать бесплатно. Некоторое время руководители платили за форменную одежду полцены. Потом и они получили право на бесплатное обеспечение формой.

Поносила таможенная судьба Владимира Константиновича по земле. Работал в Германии в составе советской контрольной комиссии. Обучал тамошних полицейских таможенному делу. В Забайкальской таможне тоже сначала был один со знанием таможенных законов. Более двадцати лет Владимир Константинович на пенсии, но был и остался таможенником.

2000 г.

Осколки на память

Валериан Григорьевич Титов

Валериан Григорьевич Титов шагает, не спеша, привычно опираясь на палочку. Нелегко нести на себе груз прожитых 80 лет, да осколки двух ранений Великой Отечественной. А потому время от времени он укоризненно смотрит на Прошу и наконец призывает его к порядку. Тот делает вид, что ничего не слышит или не понимает.

- Хулиган, настоящий разбойник, - с улыбкой говорит Валериан Григорьевич.

И в этой оценке слышится безграничная любовь и нежность к маленькой собачонке, бестолково шныряющей по кустам. Из-за Проши чуть не пришлось отказаться от поездки во Львов к старшему сыну. С собой не возьмешь, так как там две здоровенные собаки. Понятно, что может быть с маленьким забиякой. На кого попало не оставишь. Да и лишние хлопоты людям... Не думал, что самые большие заботы будут связаны с маленьким Прошей. Но в конце концов удачно пристроили.

А то хоть отказывайся от поездки. Да ведь и не откажешься. Сын так и заявил, что отец под разными предложениями не хочет приехать в гости. Мама уже дважды была, а он ни разу. И действительно надо бы съездить. Дорога-то бесплатная для него и для жены тоже. Инвалид войны 1-й группы. По закону ему и его сопровождающему полагается бесплатный билет. За все время первый раз воспользовался этой льготой.

Слушаю я Валериана Григорьевича и диву даюсь. Такими несущественными мне кажутся его заботы и волнения. При этом ни слова о состоянии здоровья и недостатке сил. А ведь диабет требует уважительного отношения к себе. Да и сердце постоянно дает о себе знать. Ноги слабеют с каждым шагом. Но он не только не заикливается на своих болезнях, он о них даже не вспоминает. Хотя они всю жизнь при нем. Чего стоит второе ранение, которое настигло его в Молдавии в 43-м и уложило в госпиталь почти на целый год.

Налетели тогда немецкие самолеты. Начали жестокую бомбежку. Девятнадцатилетний командир взвода Титов успел добежать до укрытия и упал. Сверху на него свалился солдатик. Секунду или две так лежали. За это время все и произошло. Валериана просто изрешетило осколками. А тому, что оказался сверху, против всех законов логики хоть бы что. Ни одной царапины.

Часть осколков в госпитале извлекли, а часть осталась. Из-за них потом после окончания Ленинградского юридического института медицинская комиссия не допустила его к работе в милиции, куда его распределили на место старшего следователя областного управления. После такой "неувязки" предложили должность заместителя генерального прокурора в Коми АССР. Валериан Григорьевич хорошо подумал и отказался. На мой недоуменный вопрос ответил просто: "Ну, какой тогда из меня был зампрокурора республики? До такой должности нужно было "дорасти": пройти все ступеньки, которые ей предшествуют".

Тогда тоже далеко не все его поняли. А для него это было и не важно. Он привык быть честным перед собой и своей совестью. Семья научила, война закалила.

Родился и вырос Валериан Григорьевич в городе Орел. В большой и дружной семье. Мама одна поднимала троих сыновей и дочку. Недосыпала, недоедала - все для них. Они отвечали любовью и заботой друг о друге и о маме.

Когда началась война, Валериану было 17. Младшему Леве исполнилось 16. В тот год в армию призвали только старшего брата. Сестра уехала по месту службы своего мужа. Получалось, что в эвакуацию в Сибирь они отправились втроем. Мама все повторяла: "Мальчики, берегите машинку. Смотрите, чтоб не потерялась в дороге. Она нас прокормит". Сберегли. Довезли до места. И правда, мамино умение шить пригодилось в далеком заснеженном селе. Кому сошьет платье, кому рубаху, кому юбку подрубит. И несли рукодельнице сельчане кто яиц, кто молока, кто масла.

Братья ударно работали в колхозе - корчевали деревья. Честно трудились, не отлынивали. За это им насчитывали трудодни, а за них давали продукты. Потом, когда Валериана в 42-м призвали в ряды Советской Армии, и он воевал в 79-й Гвардейской стрелковой дивизии, получил от мамы письмо. В нем она сообщала, что в колхозе подытожили работу братьев Титовых и пришли к выводу, что они поработали на славу. И за это им положено в уплату большое количество продуктов. Мама расписалась в получении. Но получать не стала. Все переадресовала на фронт. Материнским сердцем чужая, что кому-то эти продукты придадут сил упорнее воевать с врагом. Считала, что таким образом помогает и своим сыновьям. Может, за ее доброту и щедрость немецкая пуля обойдет ее мальчиков. Не обошла. Валериан с Левою вернулись с ранениями, Саша без ноги. Но ведь вернулись! Все живы. Большой радости для матери и не надо.

Видимо, Валериан Григорьевич в маму такой оптимист и благодарный жизни за все, что она дает. Его послушать, так все здорово и замечательно. Нет в его речи стариковского брюзжания и недовольства. Светлый он человек.

В таможду пошел из-за романтики. И хотя мало ее ощущал, все больше видел трудовые будни, тем не менее всю жизнь посвятил этой профессии. То нес таможенную службу в Хоргосе на советско-китайской границе, то в Мостиске на Украине. Потом почти 15 лет в Выборге проработал начальником таможенного поста Лужайка. А всего его таможенный стаж насчитывает около 35 лет.

Три поколения начальников таможенного поста Лужайка

И опять в его оценках черно-белая палитра, без полутонов. Послушать его, так в Хоргосе лучшее место на земле. Люди приветливые, уважительные. Жили бедно, но последним делились. Уходя из дому, дверь просто подпирала палкой. И никакого воровства. Тут же переключается на военные годы, когда воры ловко срезали у него полевую сумку. Ремешок, который он крепко придерживал рукой, остался, а сумка "ушла". Его тогда командировали в город Львов. Офицеры делали заказы на покупки, дали денег. Пришлось потом отрабатывать и возмещать. Деньги-то вернул. А вот фотографии жалко. Их никак не восстановить.

Мы говорим то про войну, то про таможду. Одно с другим переплетается и очень близко соприкасается. И все это называется жизнью одного человека. Валериан Григорьевич считает, что она у него была тяжелой. Но говорит тепло, задумчиво. Воспоминания то уходят к первому дню войны, когда радость от встречи со старшим братом, приехавшим домой с Дальнего Востока, сменилась тревогой и смятением от страшной вести, то уносятся под Смоленск. Сюда Валериана по комсомольскому призыву вместе с такими же мальчишками и девчонками отправили копать военные укрепления. Здесь впервые он очень близко увидел смерть.

Лежали они на траве после обеда. Разглядывали облака. И спорили, на каких диковинных существ они похожи. Вдали заметили самолеты. Насчитали 18 штук. И подумать не могли, что это немецкие. А они уже совсем близко, летят прямо над землей. Видны не только черные кресты, но

и пилоты в кабинах. Вот по ним уже строчит пулемет. Все бегут кто куда. Мальчишки помчались в ближайший лесок. Не все успели. Особенно много погибло девочек. Они растерялись и метались в панике, не сообразив даже воспользоваться укрытиями, которые сами же и строили.

В тот же день для оставшихся в живых кончилось беспечное отношение к жизни. Они как-то сразу повзрослели, посерьезнели. Это кровавое истребление детей стало и уроком для руководящих взрослых. В укрепрайон прислали вооруженных солдат.

Когда Валериану исполнилось 18, его призвали на службу и отправили учиться в Ленинск-Кузнецкое пулеметное училище. К новому году выпустили свежеспеченных пулеметчиков. Эшеленом отправили в 216-й Гвардейский стрелковый полк 79-й Гвардейской стрелковой дивизии. Здесь он был не пулеметчиком, а артиллеристом. Учился по ходу дела. "Учителя" были серьезные. Оставшиеся в живых после Сталинградской мясорубки. На места выбитых из строя и влили молодняк.

Первое его боевое орудие - это 45-миллиметровая пушка. С высокой прицельностью и скорострельностью. Очень скоро он стал командиром взвода боепитания. Здесь его настигло первое боевое ранение. Как невесело шутили солдатики, эти "пушки - гроза немцам и смерть нашему расчету". Валериан Григорьевич тут же объясняет, почему. Пушки возили на лошадях. Например, на шесть лошадей полагалось шесть ездовых солдат. Привезут пушку на позицию. Все вместе начинают ее устанавливать так, чтобы максимально ее укрыть. Но как пушку не прячь, когда она начинает стрелять, тут же обнаруживает себя и становится хорошей мишенью. По ней удобно вести прицельный огонь.

Пали прямо по пушке, наверняка попадешь в людей, которые ее обслуживают. Так и получалось. Когда Валериан влился в батарею, в ней вместе с поварами, писарями было 96 человек. А когда он раненый отправлялся в медсанбат, в ней оставалось 22 солдата. Там парню обмотали голову бинтами и сказали, что до свадьбы заживет. Поначалу даже обидно было такое слышать - голова как-никак задета. Но все познается в сравнении. Вскоре пришлось понять, что это ранение было не таким уж серьезным. Второе его уложило в госпиталь почти на год.

Есть в воспоминании Валериана Григорьевича эпизод между этими двумя ранениями, о котором бы хотелось рассказать. Когда он вернулся из медсанбата после первого ранения, молодого человека поставили к 76-миллиметровой пушке образца 1896 года. Раритет. Музейный экспонат в действии. Над солдатами, обслуживающими ее, потешались свои же. Для молодых это было очень обидно. У этого чуда военной техники были огромные деревянные колеса. Как ее не маскируй, она всегда на виду. Казалось, что и немцы по ней палили с особым удовольствием.

Это сейчас Валериан Григорьевич вспоминает ту пушку и свои переживания того периода с улыбкой. Но тогда особо острые на язык сослуживцы доводили чуть ли не до слез. Но в то же время они в трудную минуту безоговорочно приходили на помощь, спасая тяжелораненых. Без пафоса, без лишних слов. И ведь время очень скоро отсеяло глупые обиды и оставило в памяти теплые чувства и благодарность.

Война для Валериана Григорьевича закончилась в Молдавии. Хорошо помнит Украину. Одесский оперный театр был огневой точкой для его пушки. Держали улицу под прицелом, чтобы немецкие танки не прошли.

...На пенсию Валериан Григорьевич ушел в 63 года. Помогает жене на огороде. Но главная его задача привезти и отвезти ее туда и обратно. Это ноги у него стали слабоваты, а руки по-прежнему крепко держат баранку.

Боевые награды нашли его уже после войны. В военкомате ему вручили орден Красной Звезды и орден Отечественной войны I степени. "Ведь после ранения попадал в другую часть, а потому человеку легко было затеряться в тех условиях", - с улыбкой говорит он.

2005 г.

Семейный альбом

Иван Терентьевич Яковлев

Иван Терентьевич бережно положил на стол два фотоальбома. Придвинул стул поближе, чтобы комментировать то, что на его страницах.

На слегка пожелтевшей фотографии семья Яковлевых: папа, мама, две сестры и он с братом. Короткий "ежик" на голове, слегка оттопыренные уши. Дальше - школа. Он сфотографирован с одноклассниками. Чуб набок и чистый взгляд.

Еще несколько фотографий со школьными друзьями. Вот и кончилось детство. Оно навсегда осталось в красивом селе Сож под Смоленском.

В 1940 году он поехал в далекий Челябинск поступать в авиационное училище. Там учился его брат. Иван тоже хотел летать. Самолет в его мечтах был связан с романтикой и героизмом. И то и другое манило и притягивало. Он поступил без особых проблем.

В теплый июньский полдень 1941 года мир для курсантов авиационного училища раскололся пополам. Страшное известие настигло беззаботную юность. Ускоренный курс обучения выпустил молодого штурмана в самостоятельную жизнь. Иван получил назначение в Свердловскую авиационную часть. В декабре он в составе полка был направлен под Москву. Там в это время наблюдалось некоторое затишье. Его использовали для тренировок и обучения.

Небольшая передышка закончилась в феврале 42-го. Их часть направили на Северо-Западный фронт. Здесь Иван впервые увидел хищный оскал войны.

Сначала он летал на легких ПО-2, Р-5, которые садились на лыжах на замерзшие болота оккупированной территории. Доставляли бригаде наших десантников продукты и боеприпасы, вывозили раненых. На посадку обычно заходили нормально. Немцы, если и стреляли вслед, то не достигали цели. Зато взлетать приходилось под самым носом у них. И тут уж они поливали огнем самолет.

Но судьба берегла Ивана. После возвращения на аэродром считали пробоины. Слава Богу, жизненно важные места не задеты. Снова и снова летали на помощь своим. За выполнение этого задания он получил свой первый боевой орден.

Вот в альбоме и несколько фронтовых фотографий. На одной лейтенант Яковлев прокладывает на карте маршрут следующего вылета. На другой - он в группе боевых друзей около самолета. Здесь он в строгом кителе. Там - в кожаной куртке и шлемофоне.

Иван не только получил огневое крещение и радовался, что остался жив. Он приобрел боевой опыт, учился примечать, запоминать увиденное и услышанное. Все имело значение. Однажды попав под обстрел, в другой раз экипаж обходил это место.

Вернее будет сказать, старался обходить. Но если необходимость требовала, то летели и в горячие точки. Станция Лычково тогда немцами была сильно укреплена. Там стояли и зенитные установки, и мощные прожекторы. Неприятное ощущение испытываешь, когда твой самолет настигает яркий луч и ползет за тобой, как приклеенный. А в это время лупят зенитки.

Немало хлопот доставляла и 16-я армия немцев, дислоцировавшаяся под Демьянском. Попав в окружение, она осатанело билась, умело используя имевшуюся технику.

Наши бомбардировщики по ночам летали бомбить занятый немцами аэродром. Днем помогали огнем советской пехоте. Поддерживали продуктами попавших в окружение. Сбрасывали листовки, предназначенные немцам.

Штурман Яковлев рассчитывал маршрут и высоту полета, скорость и направление ветра, квадрат бомбометания. Но уж когда самолет подбит, тут надежда на мастерство пилота. Как-то однажды, получив серьезное повреждение на линии фронта, пришлось тянуть до территории, где располагались наши войска. Летчик справился с трудной задачей. Посадил самолет. Экипаж не пострадал.

- Мы летали на старых самолетах, - рассказывает Иван Терентьевич, переворачивая страницы альбома. - Но это не значит, что они были менее надежны. За время войны в нашем полку не было ни одного случая, чтобы экипаж погиб в результате неисправности техники.

Техническая служба, штурманский состав, летчики, стрелки составляли то крепкое авиационное братство, где все друг за друга в ответе. И никто не имеет права на ошибку. Потому что от этого зависит не только твоя жизнь, но и жизнь товарищей.

Спрашиваю у Ивана Терентьевича, насколько далек от правды жизни фильм "В бой идут одни старики".

- Нисколько. Как и в самой жизни, у нас было всего понемногу. В нашей службе особое внимание уделялось взаимоотношениям в экипажах. Состав руководством подбирался так, чтобы никто ни у кого не вызывал неприязни. А шутки, хорошее настроение приветствовались не только в авиации.

... Война черной тенью прошла по судьбе Ивана Терентьевича. Она забрала отца. Собственный "мотор" стал давать сбои. Из-за пошаливавшего сердца пришлось расстаться с авиацией.

В 1946 году он демобилизовался из армии в звании капитана. Особых планов не было. Случайно узнал о таможенных курсах. Закончил. Получил направление в Минск. Работал замом, потом начальником таможни. Параллельно учился в институте советской торговли. Приобретенные здесь знания пригодились в дальнейшем.

В Минске Иван встретил свою любовь, с которой связал дальнейшую жизнь. Вот на этих фотографиях они вместе. А здесь в ванночке сидит их маленькая Галя. Дальше она уже на велосипеде. А забегая не по правилам далеко вперед, скажу, что сегодня Галина Ивановна возглавляет серьезный экономический блок в Выборгской таможне. Ее дочь - внучка Ивана Терентьевича - закончила таможенную академию.

Но вернемся в 1956 год. На большой фотографии выпускники института. И в это время поступает новое предложение - возглавить железнодорожную таможню Калининградской области. Ну, что ж, поехали туда. После Калининграда назначение в Венспилс - в морскую таможню. А после нее - Выборгская.

Если прежде, проработав 3-4 года, он соглашался сменить коллектив, то в Выборге он проработал начальником таможни 27 (!) лет.

В альбоме много фотографий, связанных с таможней. Ровно столько, сколько таможня заняла места в жизни Ивана Терентьевича. Несколько страниц отдано людям в старого образца

таможенной форме. Среди них можно узнать начальника Яковлева. А еще многочисленные фотографии состава курсов повышения квалификации. На одних Иван Терентьевич сам учился, на других преподавал коллегам.

А вот целая серия фотографий, на которых запечатлены известные всему миру Гагарин, Терешкова, Севастьянов, Косыгин и другие. Как они оказались в альбоме Ивана Терентьевича? Ну, а как же? Все они, выезжая из страны и возвращаясь домой, не могли пройти мимо таможи. Группа космонавтов оставила на коллективном фото свои автографы.

Иван Терентьевич уже давно на пенсии. Чем занимается? Следит за событиями в мире. Любит побродить по лесу с корзиночкой. Копаются на дачном участке. Пока работал не до посадок и прополок было. Зато сейчас с удовольствием посвящает свое время выращиванию зелени и овощей.

Из сегодняшних событий болью в его душе отзывается Чечня. Никак не может старый офицер понять, почему стала возможной эта война со своим же народом. А еще больше удивления вызывает у бывшего фронтовика, что она надолго затянулась и стала питательной почвой для масштабного терроризма.

- Наша армия, сначала уступавшая немцам в технике и вооружении, победила опытнейшего врага. А сегодня кадровые военные не могут справиться с бывшими чеченскими трактористами и пастухами... Больно и стыдно. А сколько горя это принесло нашей и без того многострадальной России...

Иван Терентьевич аккуратно сложил альбомы, разрешив взять несколько фотографий для опубликования. Тепло попрощался и ушел.

На этом можно было бы поставить логическую точку. Но мое повествование было бы неполным, если б я не сказала о наградах Ивана Терентьевича. К трем боевым орденам он добавил орден "Знак Почета". Фронтовые медали дополнились медалями "За трудовое отличие" и "За отличие в охране государственной границы СССР". Он имеет знак отличия Министерства внешней торговли СССР и знак "Отличник погранвойск" II степени. Занесен в Книгу почета Министерства внешней торговли Советского Союза.

2005 г.